

которым удалось создать интересные плачи. Некоторые из этих плачей вошли в рецензируемый сборник.

В советское время на основе обрядовых и необрядовых причитаний родились плачи о Героях Советского Союза летчиках-космонавтах: «Плач о Юрии Гагарине» (№ 75) и «Плач колхозницы о гибели космонавта В. М. Комарова» (№ 76). Плач о Ю. А. Гагарине записал в 1968 г. мордовский фольклорист Л. С. Кавтаськин от колхозницы с. Новая Кармала Кошкинского района Куйбышевской области О. И. Кудашовой. Оплакивая верного сына нашей страны, О. И. Кудашова с глубоким чувством рассказала о нашем современнике, его боевом подвиге во имя Родины. Плач колхозницы-эрянки М. П. Кавриной о гибели космонавта, В. М. Комарова говорит о жизни, подвиге и смерти героя-космонавта с такой эмоциональной взволнованностью и страстностью, что причитать ее становится в один ряд с лучшими образцами лирико-патриотической поэзии.

Сборнику предпослано содержательное предисловие Л. С. Кавтаськина, знакомящее читателей с историей собирания и изучения мордовских народных причитаний, дающее анализ жанров эрянских плачей.

Но в предисловии имеется ряд недостатков. Так, автор на стр. 19 ссылается на рекрутские плачи под № 79, 80, 81, 82, тогда как в книге всего 78 причитаний.

На той же странице в примечании сказано, что «характерные социальные мотивы и художественные особенности рекрутских плачей видны в причитаниях, помещенных в этом сборнике под номерами 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77». Но и здесь автор вводит читателя в заблуждение, так как под этими номерами напечатаны не рекрутские плачи, а причитания советского времени.

Хотелось, чтобы в предисловии было больше сказано о поэтическом мастерстве плакальщиц. Не следовало обходить молчанием такие вопросы, как время и условия создания отдельных плачей, национальное своеобразие эрянской причеты, особенности бытования плачей советского периода.

Комментарии к плачам сводятся к коротким библиографическим справкам. Необходимо было дать более пространные комментарии, помогающие понять замысел и отдельные детали текста.

И все же, несмотря на указанные недочеты, выход очередного тома «Устно-поэтического творчества мордовского народа» — значительное событие не только в культурной жизни мордовского народа, но и во всей фольклористике финно-угорских народностей. Впервые с мордовскими (эрянскими) плачами смогут познакомиться читатели не только мордовской национальности — все тексты даны в подстрочном переводе на русский язык.

М. Г. Имарев

Л. М. Левина. *Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.*, М., 1972, 250 стр.

С начала археологического изучения сырдарьинских древностей прошло более века. Материал, который накоплен за эти годы, безбрежен; открыты и обследованы десятки поселений и могильников, опубликованы многочисленные статьи и монографии, однако до сих пор многое в исторических судьбах народов, живших по берегам Сырдарьи в I тысячелетии н. э., остается неясным.

В монографии Л. М. Левиной проведено исследование массового археологического материала — керамики, полученной из раскопок и путем сборов на памятниках, расположенных по нижнему и среднему течению Сырдарьи. Это первый сводный труд по классификации и датировке керамики I тысячелетия н. э. из нескольких различных районов. В книге на основе сравнения керамических комплексов выделяются три региона с распространенными в них тремя различными культурами — джеты-асарской, каунчинской и отрарско-каратауской.

В основу исследования положены главным образом материалы многолетних работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и Чардаринской экспедиции АН КазССР 1959—1963 гг. В работе широко использовались также фонды музеев Алматы, Ташкента и других городов.

Рецензируемая книга состоит из введения, двух частей — Керамика Нижней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. (стр. 12—89) и Керамика Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. (стр. 90—224) — и заключения (стр. 225—242).

В первой части рассматривается керамика памятников, расположенных собственно в урочище Джеты-асар, и керамика с городищ и поселений низовьев Сырдарьи.

Основной материал с четкой стратиграфической привязкой получен с городища Джеты-асар 3 (Алтын-асар) ¹.

¹ С. П. Толстов, По древним руслу Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 186—190.

Раскопки «Большого дома» — бугра со спиральной планировкой — позволили в свое время С. П. Толстову выделить два горизонта.

В монографии Л. М. Левниной нижний горизонт датируется на основании изделий из металла, кости, стекла и камня, — костяного псаля с двумя отверстиями на выделенных подтреугольных кондах, костяных накладок сложного лука, хрустальных и коралловых бус, характерных для первой половины I тысячелетия н. э. и более позднего времени. Поэтому, когда автор датирует нижний горизонт в диапазоне I—IV вв., это звучит несколько условно. Впрочем, Л. М. Левнина оговаривает это и предлагает еще одну дату — I в. до н. э. — конец III в. н. э. (стр. 16).

Керамику нижнего горизонта автор рецензируемой работы делит на две группы — кухонную посуду грубой лепки и столовую, тару и т. д., изготовленную из хорошо промешанного теста, при помощи ручной подставки.

Для верхнего горизонта характерна иная планировка жилищ, очаги других типов, в частности каны. Датируют верхний горизонт при помощи железных трехлопастных наконечников стрел, железных и бронзовых пряжек, колец, серег, бус и бронзовых монет. Приведенная в книге цветная таблица бус из памятников урочища Джеты-асар дает наглядное представление об этом виде археологического материала (см. рис. 4). Верхний горизонт отнесен к IV—VII или началу VIII в. (стр. 20). Керамика его, судя по описанию, в массе своей мало отличается от керамики нижнего горизонта. Однако появляются новые приемы в отделке поверхности горшков, прорезной и прорезанный орнамент и такие виды посуды, как котлы на поддонах «гуннского типа», изготовленные по образцам металлических котлов. На этих отличительных признаках автор концентрирует свое внимание, и это понятно, так как, только уловив отличия керамики в стратиграфически выделенных слоях, можно в дальнейшем датировать подъемную керамику других памятников оазиса. Однако для большей наглядности следовало бы составить сводную таблицу процентного соотношения видов посуды из обоих горизонтов, используя, таким образом, более активно цифровой материал, который теряется в описаниях.

Кроме «Большого дома» на Джеты-асаре раскапывался «Малый дом» — бугор, диаметром 30 и высотой 10 м. Керамика из него аналогична керамике верхнего горизонта и «Большого дома».

Описание керамики памятников (поселений) джеты-асарской культуры дается на стр. 22—57. Характеризуется керамика Джеты-асара I—14, Биданк-асара, 1, 2, Томпак-асара, Кара-асара, Домалак-асара, Сарлы-асара, Ахмед-калы, Унгурлы-асара, Мойшоты-асара, Кара-асара и др.

В каждом случае приводится краткая характеристика топографии памятников и дается подробный анализ керамического материала и его датировка. Причем датировка опирается главным образом на аналогии с Джеты-асаром 3. Думается поэтому, что подробное описание подъемной керамики каждого конкретного памятника вряд ли необходимо. Проще, на наш взгляд, было бы ограничиться только описанием новых типов и видов посуды, если они имеются, в остальном же ссылаться на Джеты-асар 3. Удобнее для читателя была бы и хронологический принцип в последовательности описания памятников: сначала поселения I—IV вв., затем IV—VII, VIII—IX вв. и недатруемые.

Специальный раздел главы посвящен керамике погребений урочища и антропоморфным изображениям.

Керамика джеты-асарских памятников вполне убедительно делится и на три археологических этапа: Джеты-асар I, II, и III. Однако хронологические рамки двух последних этапов IV—VII и VIII—IX вв. (точнее — конец VII—IX вв., стр. 74, 229) могут быть, как нам кажется, иными. Повсюду в Средней Азии керамика VII—VIII вв. имеет черты нового стиля². Смена стилей была повсеместной, и долина, нижней Сырдарьи не была настолько изолированным районом, чтобы и здесь не появились изменения. На наш взгляд, правильно было бы начало третьего этапа отнести не к концу VII — началу VIII в., а к VII в. (стр. 74, 229).

Заслуживают внимания наблюдения автора о распространении джеты-асарской культуры на ее последнем этапе в низовьях Сырдарьи и Амударьи (стр. 76—89). Убедительно выделяются на материалах так называемых болотных городищ джеты-асарский комплекс и семиреченские элементы. Передислокация культуры в историческом плане может быть связана с борьбой, развернувшейся в долине Средней и Нижней Сырдарьи между кангарами-печенегам и пришельцами из Семиречья — огузами (стр. 242), поддерживаемыми карлуками³. Не случайно в IX в. на Средней Сырдарье, в Фарабе, Ибн Хордадбек помещает карлуков⁴. Передвижениями тюркских племен следует объяснять и распространение на Сырдарье семиреченских элементов в керамике.

Во второй части монографии рассматривается керамика Средней Амударьи. Основное место здесь занимает глава I, посвященная керамике каунчинской культуры. В раз-

² Б. И. Маршак, Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник, Автореферат канд. дис., JL, 1965, стр. 24—26.

³ С. Г. Агаджанов, Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 128—132.

⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 144.

деле о городище Каунчи-тепе анализируется материал из раскопок Г. В. Григорьева 1933, 1935 и 1937 гг. Приводя датировки Г. В. Григорьева и А. И. Тереножкина (стр. 111), автор заключает, что уточнить датировки позволяют новые данные, полученные раскопками Ак-тобе, Минг-Урюка и Чаш-тепе под Ташкентом.

Комплекс керамики с четкой стратиграфической привязкой получен при раскопках Ак-тобе 2, расположенном на правом берегу Сырдарьи. Городище однослойное, с двумя строительными периодами.

Верхняя дата определяется благодаря редкостной находке погребения в купольном помещении дворца, использованного в качестве своеобразного мавзолея после гибели поселения. Это конец III — начало IV в. н. э. При раскопках Ак-тобе 2 собрана уникальная коллекция посуды, получены многочисленные серии хумов, горшков, кружек, мисок, фляг. Ближайшие аналогии дает нижний слой городища Каунчи, керамика которого относится к этому же времени. Керамика из поселения Шаушукум-тобе и нижних слоев Ак-тобе 1, по мнению Л. М. Левиной, является следующим хронологическим этапом развития каунчинской керамики, но датируется в пределах IV—VIII вв.

Для уточнения хронологии культуры Каунчи автор широко привлекает керамику Минг-Урюка, Чаш-тепе, Алимбай-тепе, Кугант-тепе и Ак-тепе. В специальном разделе рассмотрена керамика из погребальных памятников Ташкентского оазиса. Вполне обоснованно предлагается датировка курганов «Никифоровских земель», Пскентского могильника и одиночных погребений, а Шаушукумский могильник датируется по-новому — в пределах III в. до н. э. — VIII в. н. э.

В результате сопоставления керамики из городищ и погребений предлагается периодизация керамики культуры Каунчи по трем этапам: Каунчи I—I в. до н. э. по III или начало IV в. н. э.; Каунчи II — с конца III по V в. н. э., Каунчи III — с VI по начало VIII в. н. э. Для керамики каждого из них выделяются основные виды и типы посуды, специфические элементы. Важна и резюмирующая часть раздела, где показана динамика развития поселений и погребальных памятников каунчинской культуры на протяжении всех трех этапов, намечаются связи с Согдом, Семиречьем и Нижней Сырдарьей.

В разделе «Северо-восточная периферия территории распространения каунчинской культуры» намечены районы с памятниками, дающими керамику, аналогичную или во многом похожую на каунчинскую двух ее последних этапов. Указаны, в частности, Чаткальская долина и верхнее течение Таласа. Поскольку, однако, известные городища здесь не дали керамики, датируемой ранее VII в., Л. М. Левина предлагает считать долину Чаткала и районы верховий Таласа местом обитания исключительно кочевников (стр. 193). На наш взгляд, отсутствие поселений первых веков нашей эры свидетельствует лишь о недостаточной изученности этих районов. Примером может служить среднее течение Таласа, где только совсем недавно обнаружены поселения, четко датируемые первой половиной I тысячелетия н. э.⁵ Это в первую очередь относится к поселению Кзыл-Кайнар, где в сводчатом помещении найдено погребение воина, аналогичное погребению на Ак-тобе 2.

Вторая глава раздела посвящена керамике отрарско-каратауской культуры, впервые выделенной А. Н. Бернштамом под именем кангйюско-каратауской⁶. Трудности датировки керамики из районов распространения отрарско-каратауской культуры вполне понятны. Раскопки здесь почти не проводились, и керамика в большинстве своем подъемная. Хронологическая периодизация ее, предложенная в свое время Е. И. Агеевой, в значительной мере устарела, что уже отмечалось в печати⁷.

Поэтому вполне оправданна попытка автора дать новую датировку керамики Тик-Турмаса, Ак-тобе Алтынтау, Тарса-тобе и других хорошо известных по прежним исследованиям памятников. Вполне убедительно предлагаются более узкие хронологические рамки для керамики из единственного раскопанного поселения Ак-тобе Бабаатинского, ранее датированного в пределах III в. до н. э. — III в. н. э.⁸ Предлагая новые даты, Л. М. Левина опирается на хорошо датированные керамические комплексы Дже-ты-асарской и Каунчинской культур.

Вызывает, однако, недоумение ссылка автора на имеющуюся якобы в литературе датировку нижних слоев Баба-Аты V—VII вв. (стр. 198). Е. И. Агеева всегда считала их к VI—VII вв.⁹

Л. М. Левина также публикует и датирует подъемный керамический материал с некоторых памятников, обследованных в 1968 г. маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции. Из Отрарского оазиса здесь рассматриваются Маслахат-тобе, Ак-тобе и Шошак-тобе.

⁵ М. С. Мерцнев, Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V вв., сб. «По следам древних культур Казахстана», Алма-Ата, 1970, стр. 79—92.

⁶ А. Н. Бернштам, Древний Отрар, Изв. АН КазССР, № 108, серия археологическая, вып. 3, 1961, стр. 97.

⁷ К. М. Байпаков, Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг., «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 243.

⁸ Т. Н. Сенигова, Поселение Актобе, «Археологические исследования на северных склонах Каратау», «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 79.

⁹ Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау», стр. 9, 189.

Обследованы и предварительно датированы тобе с ранней керамикой из района Туркестана, Яны-Кургана и на левобережье Сырдарьи. Публикации материала свидетельствуют об общем сходстве керамики с этих иногда значительно удаленных друг от друга памятников. На стр. 217—219 приводится описание керамики Борижарского могильника, который датируется VI—VIII вв.

В конце главы предлагается деление керамики отрарско-каратауской культуры по трем этапам: I—IV, IV—VI и VII—VIII вв., что, вполне вероятно, будет подтверждено раскопками.

В заключении Л. М. Левина характеризует экономический базис джеты-асарской, каунчинской и отрарско-каратауской культур, определивший близость керамического материала, резюмирует итоги изучения керамики, на основании этого рисует картину взаимоотношений культур и взаимовлияние различных этносов на рассматриваемой территории на протяжении нескольких столетий, указывает на влияние Согда, Чача и Семиречья.

Автор приходит к выводу о неизменяемости на протяжении почти тысячелетия основного этнического состава населения Нижней и Средней Сырдарьи (для районов Средней Сырдарьи — до начала VIII в., а для Нижней Сырдарьи — до IX в.), однако анализ керамических комплексов позволил Л. М. Левиной в определенной мере проследить происходившее здесь взаимодействие с новыми этническими группами. Так, например, появление в начале второго этапа в джеты-асарской культуре элементов, характерных для культур более восточного происхождения (Южной Сибири, Тувы, Монголии), могло быть связано с движением гуннов, что в свою очередь повлекло крупные передвижения присырдарьинских племен (стр. 62, 73, 228). Анализ керамики и некоторых других данных позволил автору проследить время, направление и территорию передвижения носителей рассматриваемых присырдарьинских культур в другие районы Средней Азии и Казахстана.

То же можно сказать о прослеживаемом Л. М. Левиной влиянии Согда, Чача и Семиречья на третьем этапе на эти культуры. Рассматриваемое автором появление семиреченских элементов в джеты-асарской культуре, передвижение последней в дельты Амударьи и Сырдарьи, затем полное прекращение жизни памятников джеты-асарского урочища и района «болотных городищ» связываются автором с историей кангаров-печенегов и огузского племенного союза (стр. 64, 242).

К сожалению, в работе нет карты размещения памятников на Сырдарье, о которых идет речь, с отражением здесь же их культурной принадлежности. Думается, были бы уместны синхронистическая таблица культур и сводная таблица керамики джеты-асарской, каунчинской и отрарско-каратауской культур.

Однако эти и указанные выше недочеты отнюдь не умаляют ценности рецензируемой книги. Она дает полное и четкое представление о керамике сырдарьинских памятников I тысячелетия н. э.

К. М. Байпаков